

— Почему у нас такая непростая ситуация с функциональной грамотностью? — Все упирается в педагога. Учителя в основной школе являются предметниками, им нужно «пройти предмет», они не понимают важности достижения метапредметных результатов (подчеркну, что смысловое чтение — это универсальный навык функциональной грамотности). Необходимо давать больше заданий не на формальный пересказ, не тренировку только памяти и восприятия, а на развитие умений работать с информацией, которая представлена в тексте, используя для этого умственные операции — сравнения, анализа, классификации, обобщения. Чтобы решить эту проблему в массовой практике, учителей следует готовить к профессиональной деятельности и-на-че: чтобы они создавали условия для поисковой, исследовательской деятельности своих учеников, для развития навыков критического мышления, становления готовности к самообучению. А из них делают конформистов, ориентированных на образец. Но ведь никто из великих не был конформистом, все они были критическими личностями, потому что формировались в противостоянии: спорили, ругались, защищали свою позицию. Дайте нашим детям право на ошибку, на собственное мнение, которое может не совпадать с мнением учителя или учебника... Есть такие учителя, но их пока крайне мало.

— Как правильно выстроить стратегию развития образования? Несколько главных пунктов...

— Отрицательный момент нашего образования — его конструирование сверху, когда вуз диктует — через баллы — «кого возьму, кого нет» — требования основной школе, та — начальной, а та — детскому саду. Эта неграмотная с точки зрения педагогики (да и здравого смысла!) система не учитывает специфику и самоценность каждого возраста, школа мало ориентируется на принцип природосообразности обучения. Сегодня резко снизилось качество подготовки учительских кадров. На мой взгляд, это связано с непропорциональной переделкой педагогических институтов в педагогические университеты, где резко снизилось внимание к формированию готовности специалиста к профессиональной педагогической деятельности: минимально часов на педагогику и психологию, почти отсутствие педагогической практики в школе. Выпускник университета приходит в школу с недостаточным уровнем профессиональных знаний-умений.

Этим нужно заниматься в первую очередь. Второе — нужно поднимать авторитет учителя, в том числе за счет зарплаты, — сейчас лучшие выпускники вузов, к сожалению, в школу не идут. Необходимо совершенствовать систему повышения квалификации, привлекать профессионалов, брать на вооружение новые формы, например вебинары.

Третье — нужно навести порядок в экспертизе учебников. Система Занкова, Петерсон — это рыночные конкуренты нашего «XXI века», но их удаление из федерального перечня несправедливо. Безнравственно, когда место достойных учебников массово занимают удовлетворительные — только потому, что они издаются самым крупным в стране издательством. Здесь министерство должно навести порядок: нужны четкие, разумные, прозрачные крите-

Безнравственно, когда место достойных учебников массово занимают удовлетворительные — только потому, что они издаются самым крупным в стране издательством

рии. Их нет. Единственное, что мы пока сделали по просьбе министерства, — разработали новые критерии для оценки воспитательного потенциала учебников. Раньше к таким критериям относилось, например, число упоминаний слова «честность», причем неважно, в каком контексте.

Четвертое — нужно определиться с местом и ролью цифровых технологий. Технологический прогресс, безусловно, остановить нельзя, но есть такое понятие, как «целесообразность», принцип «не навреди». Нельзя искусственно создавать противоречие между цифровыми и печатными средствами обучения. У каждого есть своя специфика, и перекладывать функции одного средства обучения на другое средство — педагогическая несуразность. Я полагаю, что в вопросе введения цифровых технологий спешить нужно медленно. Очень важно отработать методику обучения школьников работе с новыми информационными технологиями.

Пятое — новые цели образования, выраженные ФГОС, намечены, но массовая школа их еще не приняла, потому что многие учителя не понимают идеи стандарта, не готовы к их реализации. Что, разумеется, не означает необходимости переписывать стандарт или отказываться от него. Я считаю, что ФГОС нельзя сегодня реализовать полноценно, это дело ближайшего будущего. Но раз его приняли, давайте постепенно работать над совершенствованием готовности учителя. Потихонечку, без победных реляций о том, что «все выполнено»...

И шестое — речь идет о семье и ее роли в образовании ребенка. Меня часто спрашивают, как школе привлечь к обучению родителей, я всегда отвечаю:

Дайте нашим детям право на ошибку, на собственное мнение, которое может не совпадать с мнением учителя или учебника...
Есть такие учителя, но их пока крайне мало

«Не надо этого делать!» Семья — особый социальный институт. Она решает свои цели и задачи. Прежде всего родители должны любить, поддерживать детей, помогать им справляться с возникающими жизненными трудностями, организовывать их досуг и заботиться о здоровье, развитии общего кругозора и культуры. А образованием пусть занимаются профессионалы. Мы должны понимать и дополнять друг друга, а не подменять. К сожалению, сегодня часто школа перекладывает на родителей сам процесс обучения, оставляя за собой право лишь на контроль.

— Сейчас одним из популярных понятий в образовательной сфере является «эмоциональный интеллект». Как вы относитесь и к самому понятию, и к его использованию?

— Конечно, я понимаю сторонников так называемого эмоционального интеллекта — хотя на самом деле его нет, интеллект — это отдельная от эмоций сфера. Сейчас физиологи утверждают, что нет деления на правое и левое полушария, и тем более тогда не нужно выделять эмоциональный интеллект. Давайте смотреть по-старому: интеллект — это логика, это здравый смысл, это за рамками, за гранью эмоций. Хотя интеллект не может быть без эмоций, но там они обычно скрыты, а сторонники концепции эмоционального интеллекта хотят их высветить. В применении к начальной школе эмоциональный интеллект — это фактически образное мышление. Это мышление, которое свойственно этому ребенку. И все, что мы делаем, обучая ребенка, направлено прежде всего на формирование логики, а затем уже на формирование образного мышления. Никакая учебная, исследовательская деятельность не пойдет, если за этим не стоят конкретные образы. И с этой точки зрения я могу поддержать создателей понятия «эмоциональный интеллект». При этом подчеркну, что, хотя сама идея справедлива, с психологической точки зрения такое понятие не очень корректно, потому что эмоции и интеллект — это разные явления в психике человека.

— Можете пояснить это на каких-нибудь примерах?

— Я вам приведу один маленький, но характерный: в одном из городов нашей страны мне довелось посетить урок «Окружающего мира» на тему «Мир чувств», на котором учительница дала своим ученикам дошкольную игру «Чудесный мешочек». В мешочек были сложены овощи и фрукты, дети должны были засунуть руку внутрь и, осяпав предмет, назвать его. Сразу оговорюсь, что это был 1-й класс школы для одаренных детей, где преподавали по программе 2-го класса. И из всех предметов, которые были в мешочке — яблоки, груши, сливы, киви, картошка, морковка, — они не вполне точно назвали яблоком круглую грушу, а про киви сказали «что-то с волосами». И это одаренный класс! После окончания игры дети начали читать, и читали блистательно, рассказывали, обсуждали — все шикарно. После уроков я говорю учительнице: «Вы понимаете, что у них чувственное восприятие, сенсорика, — на нуле?» А она меня спрашивает: «А что мне надо было делать?» Я говорю: «Открыть этот мешок, вместе с ними пощупать, попробовать, покатасть. Потом снова сложить и тогда попробовать». Бегло читающие дети очень скоро почувствуют трудности в обучении, потому что у них нет богатого чувственного опыта как основы для развития логического, теоретического мышления.

С этой точки зрения эмоциональное восприятие крайне важно. Но образ важен не только для логики, он важен и для понимания своего положения в окружающем мире! Определяя свое эмоциональное отношение к чему-то, я должна одновременно определить и свое место в каждой конкретной ситуации: «я и предметы», «я и другой человек», «я и познание», «я и природа». Это все прописано у нас в концепции, но на практике учитель в большинстве случаев не разрешает ученику высказать свое отношение к происходящему, он точно должен следовать образцу. В нашей школе зачастую существует только два мнения — учителя и неправильное. В связи с этим хотелось бы еще раз подчеркнуть важность учебного диалога. Ребенок может остаться при своем мнении — имеет право. Ребенок должен высказать свое отношение — имеет право. Он может перебить, дать реплику, не согласиться... У нас же зачастую диалога нет, у нас беседа, когда учитель задает вопрос одному ученику, а тот отвечает, при этом все остальные в это время радуются, что на этот раз их не тронули. Одна из задач современного образования — взаимодействие между учителем и учеником.

Наталья Федоровна Виноградова — член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, руководитель научно-исследовательского Центра начальной школы РАО, член научно-редакционного совета «Российского учебника»

ИНТЕРВЬЮ Взял Андрей Кармышкин